

ГОРА ПРЕДКОВ

Мухомор колыбель охраняет не хуже сильных духов. Обрезки грибов вывешивают у входа в жилище для приглашенья предков: входите, здесь внуки ваши. Удивляются пришельцы: в тайге, мол, живёте, а грибы не едите! Невдомёк им, что гриб – тоже человек, только сильно уменьшенный. И голова, и туловище, и ноги-корни – всё есть. Значит, духи тайги наказали его за что-то. А если это предок твой дальний, а?!

Небо-кедр-человек-гриб, каждый знай своё место. Кто закона тайги не знает, живёт недолго. К небу с земли тянется большой кедр, а перед человеком так же мал гриб. Но связан он с большой тайной – с нижним миром. Если шаман лизнёт мухомор с семью пятнышками, ему откроется самое-самое тайное. Олень-бубен и панг-мухомор – первые средства шамана. Ну и, конечно, духи-помощники. У каждого шамана они свои.

Какая совесть у таёжника? Стыд перед предками: они же всегда рядом, всё видят. Переступить обычай – хуже смерти. Помни: души предков переселяются в деревья, не руби живое дерево. А если уж срубил, воткни в пень веточку, и душа погубленного оживёт. Не перегораживай реку наглухо, дай пройти рыбьей молодежи – предки знают счёт ей. Не строй жильё у водополя, дай лосям и диким козам напиться, это скот умерших. Не охоться долго на одном месте, дай головою лесному восстановиться.

93

В верхнем мире обитают главные боги – Ну-ми-Торум, или просто Нум, в среднем мире живут звери и люди; в нижнем мире бог мрака Куль-отыр, у самоедов – Нга. На своём бубне-олене шаман отправляется, чтоб отогнать болезнь, разрушить злые чары. Верховному богу Нуму жертвовали священного оленя – совершенно белого. Его никогда не запрягают. Нга – божество мрака, у него в нижнем мире свои посыльные, они выходят на землю за душами людскими.

Предок-зверь в борьбе за праматерь победил чудищ и положил начало роду-племени. Он твёрдо указал, с какими ответвлениями рода можно вступать в брак – об этом есть сказанья. Парни рода Пор (потомки медведя) могут жениться на девушках рода Мось (потомки гусыни), но внутри своего рода – никогда: накажет медведь-предок.

Он сын Неба, герой главных Медвежьих праздников. Перед убитым медведем клянутся, исповедуются: «Если я своровал, если изменил жене, поймай меня в лесу, дедушка, и разорви». А когда охотятся на него, тут дозволяется священный обман: «Не я пришёл к тебе, а тунгус заблудший. Помаленьку вылезай уже, отец, из берлоги». А потом плюнь в сторону и скажи шёпотом: «Это не мы тебя убили, это всё русские». Ну а девушки, те заняты любовной магией, знают прислушки. Иначе кто ж её замуж-то возьмёт?!

До чего же удачлив охотник, слюбившийся с Хозяйкой тайги! Такому завидовали. Но если из-

менит он ей – ох и жестоко же будет наказан! Рождение детей – тут власть божеств женских. К ним моления матерей: Калтась-эква и Торум-анки, помогите в делах семейных. А ещё есть злые менквы, духи-людоеды, злобные слуги Куль-отыра. Но их тоже просили о помощи при нашествии врага: духи родного леса, они не бросят нас.

На всей ли земле тайга, есть ли что иное – это знают шаманы. Знают они, как мир начинался и скоро ли кончится. Посвящение в шаманы – большое событие в жизни стойбища. Сам, по своему желанью, человек стать шаманом не может, его избирают духи. Русские первопроходцы уже забыли своих кудесников и дивились на шаманов.

Большие поселения открыты на Чае-реке. В кургане много бронзовых и железных изделий, больше всего наконечников стрел. Название *Кулайка* – из древнего селькупского: *Гора предков*. В Кулайке крестьяне наткнулись на бронзовые котлы и серебряные изделия. Ими пользовались около тысячи лет – от пятого века до нашей эры до четвёртого века новой эры. Из семидесяти могил одна – две – на особицу, богаче других. Это могилы шамана и племенного вождя. Следы поминальных тризн редки, но они всё же есть. Здесь началось классовое расслоение.

Поселения кулайского типа найдены и в Кемеровской области, и на Алтае, и в Прииртышье. На рубеже тысячелетий часть племени ушла на юг, где и растворилась в эпоху великого переселения народов.

Один к ста – таково было соотношение русского и коренного населения на грани шестнадцатого и семнадцатого веков. А на грани восемнадцатого и девятнадцатого веков – уже четверо русских на одного аборигена. А в двадцатом веке – абориген почти так же редок среди русских, как когда-то казак в неоглядной тайге. Был «огненный бой» русских отрядов, но был и товарный обмен. И ханты дивились «глупости» русских, отдававших топор за три – четыре собольих шкурки.

Необратимое изменение Сибири дала пашня: тележное наступление похоронило и охотничьи стоянки, и юрты кочевников-скотоводов.

ПРО ЗОЛОТУЮ БАБУ

*Нуми-Торум, владыка мощный,
Хозяин верхнего мира,
Над тайгой, в зените, вечный след твой,
А Нарым поёт хвалу и славу!
И шаман, выдавший небо, скажет:
– Нуми-Торум видит злых и хитрых,*

*Что железно землю устилают,
Чтоб медведь весною просыпался,
Золотую мать он к нам направил,
Мать огня, мать жизни охраняет
Всех рождённых, всех она запомнит.
Он богиню-мать послал на Север,
Где ночами сполохи играют,
Чтобы снова на скале прибрежной
Ей сидеть, всех нас благословляя,
Всех, чья жизнь короткая проходит
Так, как бабочки в костре сгорают.*

Вот она, удача: песня-заклинанье теперь на бумаге. Плох или хорош мой перевод, но он есть. Теперь важно довести её до города. Записывал тайком, по ночам, при сальной плошке. Не зря здесь прожил, нужное дело сделал. Ещё несколько лет, и будет поздно. Посвящена песня Сарниной, огненной богине-матери. Южные ханты имени такого уже не знают, да и здесь, на нарымском севере, о ней помнят не все. По-видимому, культ её, обычай этот – из глубин истории.

Милостив Бог ко мне – чуть было не умер, зато подружился с шаманом. Видимо, плеврит подхватил на охоте, когда ночевали в снежной норе. Хантам хоть бы что, а я горел в жару и задыхался. Начался отёк лёгких, в здешних условиях это – смертный приговор. Шаман Кузёма Пырчин живёт в глухой тайге, ехать к нему около суток на оленях. Но меня довели живого, хоть и без сознания.

Когда вынырнул из беспомощности, увидел улыбающегося остяка: «Путь стороф, руть-ики, теперь шить путь». «Шайтанщик» оказался не стариком, а сорокалетним мужиком, роста среднего, коренастым и, как все здесь, коротконогим. Это – от недостатка витаминов, уже много веков ханты живут на Севере, деды их овощей и фруктов не видели. Доложил: душу мою он извлёк из нижнего мира. Говорит, стояла она там одна-одинёшенька, ничего не понимая, хотя русских там видимо-невидимо. Много там всяких душуртов, и большая часть навеки, безвозвратно мёртвые. Только люди Севера, те, что жили правильно, возвращаются детьми, остальные – вечные пленники тьмы. Правда, про огонь и муки шаман ничего не знает, там просто тундра.

Мы, русские, хороним неправильно, и скоро все останемся в нижнем мире. Хоронить надо головой на юг – это самая хорошая сторона – или на восток. И зарывать глубоко нельзя – душа не освободится. Жил когда-то в тёплой стороне, куда гуси на зиму улетают, большой народ, лю-

бил золото и войны, а стариков тогда зарывали в курганы. Теперь они все там, во власти хозяйина страны мёртвых, Хинь взрт имя ему, он же самый сильный дух болезней. Жили они немирно, убивали и грабили, этим детьми уже не вернуться. Русские тоже закапывают головой на закат и очень глубоко. И потому старики детьми всё реже возвращаются в мир живых.

В быту ничем от других Кузьма не отличается, только бубен я сразу заметил в углу. Детей у него трое, рождаться они стали недавно, с опозданием от сверстников, зато ни один не умер. В остоящих семьях дети рождаются каждый год и многие умирают. Матери не горюют: так судил Торум, верховный бог, хозяин неба. В другой раз душа вернётся на долгую жизнь, узнает старость.

А бубен, оказывается, сохранился в районном музее. Когда-то принадлежал он деду Кузьмы, и проезжий русский, буровик, подсказал: попробуй вернуть его, теперь можно. И удалось, бубен почему-то отдали. А деда, говорил отец Кузьмы, увезли в город, арестовали его, и с тех пор вестей о нём нет. А как попал в руки Кузьмы дедов бубен, он и почувствовал себя йолом-колдуном. Слова «шаман» они не знают, оно из другого языка.

РАССКАЗ КУЗЬМЫ-ШАМАНА

«Я маленький был – все считали: плохой родился, слабый, ума чё-то не видать. Топор возьми – ногу порублю. Тонул раз, сети рвал, ружьё терял. В лес пойду – никого не убью, пустой домой приду – надо мной смеются. И чё-то тако находило на меня, дёргались руки, голова кружилась. Потом жениться сильно надо стало. Женился, а бабёнка по ночам плачет: «Уходить буду, мужика нету».

А один раз в тайге медведица близко подошла, вот как ты, обнюхала и не тронула. Сперва медвежонка я увидел, он в муравейнике рылся, фыркал с радости. Поглядел на меня и не убежит. Я стою, говорю ему: «Зачем глупый такой? Молодой ещё? Большой станешь, в тебя стрельнёт кто-нибудь. Смотри, люди, они сильно плохие, да ещё пароходы эти пришли, железо всяко-разно».

А на меня сзади кто-то дышит. Оглянулся – она, мать медвежья, прямо в ухо мне сопит и головой мотат. А потом повернулась она, побежала, и медвежонок за ней. Рассказал – не верят мне, опять смеются.

Одна старуха поверила, она давно родилась, когда тракторов не было. Сказала:

– Видно, душа деда вернулась из нижнего мира. Он большой шаман был. Его испытывали так: он в прорубях выплывал. В одну нырнёт, в другую вынырнет. А так-то, летом, плавать не умел. К нему больных везли и мухоморов на подарки издалека везли. Без мухомора шаману нельзя. Чтoб долго вертеться, два дня плясать, надо сушёный мухомор за щёку.

Потом тяжело заболел я, посчитали: умер уже. В болото провалился, зима начиналась, вот и заболел, дышать не мог. А умирать чё-то нет охоты. Тогда я как заново народился. Лежу, рук и ног не чую, и вдруг в голове свет, огонь прошёл по телу и вижу старика. Потом второго, третьего, много стариков, и все похожи, головами кивают, договариваются меж собой. Это деды-шаманы пришли, так мне старуха-медведица сказала. И после стал я видеть тех, кого рядом нету. Три дня лежал, хоронить собирались, а я нисколько не пахну. Потом встал и стал понимать не так, как раньше, лучше стал понимать. Деревья стали подсказывать, знаю теперь, чего птицы друг другу кричат, и зверя угадывать стал, чего от него ждать.

Однажды пришла во сне она, вроде медведица, вроде старуха, и говорит, что надо пройти главные болезни. Я входил в избы и в чумы и видел горячку в груди, гной в кишках, соль в спине. А она подсказывала, что надо без спичек и кресала разжечь огонь и сварить болезни в котле. Потом медвежий голос сказал, что пора мне побывать в нижнем мире, в краю мёртвых. Я умом пошёл вниз Большой реки, в сторону ночи. Есть где-то в тайге большая яма, через неё уходят в нижний мир. Там увидел Мать огня, Сарниной, она кивнула. Так-то пройти к ней нельзя – пропадёшь, там силков и капканов много. Там луков-самострелов деды наставили, росомаха не проскочит. В яму я вошёл, провалился куда-то, и понесла меня Река назад. Ходить туда людям опасно, можно не вернуться.

Ну а без бубна какой ты колдун? Бубен привезли, взял я в руки – вроде стало весело, а ничё не выходит. И другой, и третий раз – то же. А потом привезли больную девчонку. Взял я бубен, завертелся. Тут сразу стал шаманить: признал меня бубен. Духа-помощника я редко зову – если надо кого найти потерянного или вылечить сильно больного. Тебя увидел – сразу понял: одному не справиться, надо помощника звать. Надо было тебе отдать свою силу. После того дня три еле ходишь, сам больной делаешься. Тут надо долго спать, потом много есть. А когда ищешь

кого, надо его видеть умом, а не глазами. Тогда поймёшь, где он заблудился, кто девку украл, держит обманом или силой.

Тебя лечить сильно чижело, ты русский. Как закамлал, бубен-олень сразу к неживой земле понёс. Звери-помощники за мной несутся. «Птицы-звери, в какую землю придём?» К худой, говорят, к обречённой земле идём. К обрыву, к берегу шагнул, вниз посмотрел – сильно жутко. Клыкастые звери сидят, лижутся, кости кругом. Пролетел мимо – проснулись они, вниз по течению помчались. Внизу гул стоит, река о смерти поёт. А по берегу окаменелые люди поставлены. Семь их стойбищ обошёл, яму с водой в топком месте нашёл. Дух-помощник говорит: здесь ныряй. Я нырнул. Там у мёртвого дерева олень-бубен привязанный остался, пусть отдохнёт, сам дальше пошёл. Внутрь нижнего мира попал, много людей-теней вижу. Пернатый, зобастый зверь вдали крыльями машет, меня ждёт, зоб у него надувается. Если клюнет, здесь останусь. Ему панг-мухомор показал, он обрадовался. Много там уртов-душ увидел, всякий народ видал: и ненцы, и наши, и ваши, русские, тоже есть, и ещё не поймёшь кто. Все хотят вернуться и жить, а не могут дорогу найти. Там тот же Нарым. Нэрэм по-нашему значит болото – в нижнем мире всегда туман и холод, а лесу мало. А если идти дальше нижним миром, там, на юге, есть тёплая земля, оттуда птицы прилетают и дети приходят в мир. Старики проходят насквозь нижний Нарым и возвращаются снова детьми. Бывает, часть души уходит вслед за умершим человеком, когда сильно горюют. Надо в нижнем мире уговорить умершего, чтоб отдал чужую душу, пострадать его. Он же не хочет расстаться, ему там боязно одному. Когда уходил, люди-тени кричали, а ничего не слышать, только шум водопада. Небесный ветер так шумит. На оленя тебя посадил, сам рядом бежал, вывез бубен-олень, в жильё очутились. Огонь разжёл, тебе грудь отёр, ты глаза открыл.

Сам чего сможешь? Надо услышать, не зовут ли туда. Когда в теле сила и свет есть, духам болезни не войти, ты их прогонишь. С деревом надо дружбу завести, оно поймёт и болезнь твою в себя возьмёт. Деревья, они самые добрые на земле, а всех добрее кедр: всех кормит. Не будет у него шишек – белки не будет, не будет белки – соболя не станет, не будет соболя – медведя не станет, не будет медведя – охотника не станет. Так устроено, а Мать огня порядок знает».

Четвёртое сентября. Пора домой, в город. Есть ещё один текст. На прощанье Клава, жена Кузьмы, спела песню-причитанье самой богини-матери. И оказалась мать жизни покинутой женой, совсем не грозной. Кажется, у неё с мужем была семейная размолвка, и он лишил её прежнего места в верхнем мире. Она мечтает вернуть любовь супруга. Имени её не помнят.

«Удачу приносящая песня» – такое вот название. Исполняли её только женщины в Медвежий праздник. Песню эту давно пела бабушка Клавы, за точность ручаться нельзя.

*Ослепительно белых быков
Бесконечный олений обоз –
Еду в устье великой реки,
С вестью радостной еду я, най,
Чтобы муж меня вновь похвалил.
С тайной дверцею чуден мой дом
На скале у великой реки,
В нём огромный очаг – это жизнь.
На свистящих утиных крылах
Я в родное гнездо прилечу,
С вестью радостной, лебедем став,
С громким кличем на север помчу,
И за мной лето катится вниз.*

96

*Друг, с которым имела детей,
В верхнем чуме своём он сидит,
И он скажет: «С вестями ты, най?
С доброй вестью вернулась домой?»
Будет жизнь, будет в чумах огонь.
Лес, под солнышком спину ты грей,
Духи леса, храните людей,
Духи вод, рыбам дайте проход.
Жизнью-обручем всех охвачу,
Танец мой радость всем принесёт,
Дым жилищам, оленям стада –
Много радости, много добра
Всем приносит мой танец огня.
В край на полдень, к истоку Реки,
В край, откуда к нам гуси летят,
Я подарки отправлю туда.*

О золотой статуе упоминается в одной из ранних сибирских летописей – Кунгурской: «Послал Ермак в низовья Иртыша, в Демьянские и Назымские крепости и в волости, пятидесятника Богдана Брызгу. Тут было у них мольбище большое богине древней: нагая с сыном на стуле сидяца приемлет дары от своих. И жертвуют ей остатки во всяком промысле, а ежели кто по обе-

ту не даст, того мучит и томит, а кто принесёт ей жалюючи, тот, перед нею упав, умрёт, ибо имеет жрецов и общину великую. Когда же дошёл к ним слух о приезде Богдана, велела спрятать себя и всем бежать...».

По хантыйским поверьям, с приходом русских хранительница очага и рода ушла из срединного мира в нижний. Вернётся она под солнце, когда в мире совсем не останется «неправильно живущих», убивающих друг друга, и всё железо уйдёт обратно в землю, в болота.

ТОХТАМЫШ – ХАН ТРЁХ ОРД

Народится хан судьбы счастливой, по уму и храбрости великий... Так пел кайчи-сказитель, и все жадно слушали, все верили: уже родился. Он восстановит былое ордынское величие. И возшла над степью зловещая звезда Тохтамыша...

Казалось, златоверхий ханский шатёр навсегда заказан Тохтамышу, когда Урус-хан казнил его отца. Вызвал к себе в ставку и отрубил голову родственнику-чингизиду. А за что, все знали: за независимый нрав. Не помогал захватить трон золотоордынский. Дерзко бросил в лицо хану:

– Захватить престол сможешь, удержать – нет.

Бежал юный Тохтамыш под крыло Железного Хромца, Тимура, и поклялся отомстить убийце отца. Эту клятву Небо услышало: лишило Урус-хана и трона, и жизни, а имя Тохтамыша вознесло над степями. Тимур-ленг по-персидски, Тамерлан по-европейски, Темир-аксак по-татарски одно означает: Железный Хромец. Вернул он власть в Синей орде Тохтамышу, а когда Урус-хан пошёл на Волгу, юный и дерзкий чингизид напал на его Белую орду. Успел немного пограбить и проиграл два сражения, когда Урус-хан вернулся со всеми туменами. Тогда Тимур сам повёл войско на Урус-хана и наголову разбил его. Без славы похоронили хана, мечтавшего возродить Большую орду, а Тохтамыш завладел двумя ордами, Синей и Белой. Пошёл на Волгу, взял сначала Сарай-Бату, потом Сарай-Берке и сел на престол Золотой орды. Притихли подчинённые народы. Крепко поверил в свою звезду Тохтамыш, а она припасла и взлёты ему, и провалы...

Каждый знает в орде: запад – правое крыло, восток – левое, а лучшая сторона – юг. Туда смотрят двери всех юрт. Юг – красный цвет, север – чёрный, запад – белый, а восток – синий. Про Синюю орду не все и слышали: она на обочине.

Давно расколосся улус Джучи: правое крыло – Золотая орда Бату-хана, левое, войско Орду-Ичена, назвалось Белой ордой. А Синяя орда где-то в снегах, в лесах и полустепях.

Толковал бухарский книжник маленькому Тохтамышу: есть Книга гаданий, открыто в ней, как звёзды пути указывают. Слава предков сильнее временных неудач. Но ханы по-монгольски не говорят уже, хоть и называют себя чингизидами. Кто сильнее, тот и прав. Загляни в гнездо беркута: сильный птенец забивает слабого. Беркуты питаются дрофами, которые тяжелее их. Ханский трон, много-много жизней он стоит. И тысячи воинов обречены погибнуть, чтобы хан обновил свой гарем.

На степных путях жило сказание, как спорили когда-то отец с сыном – Чингисхан и Джучи.

– Не надо ходить к последнему морю, отец, – так сказал старший сын, командир войска правой руки. – Не управиться нам со всем миром.

– Что слышу?! Монголам не побеждать слабых?! Мои потомки отдадут власть?

– Нет, отец, я не про народы – время непобедимо. Растворимся мы в завоёванных племенах. Батыры измельчают, и ханы разнежатся.

– За такие слова казнить надо. Чтобы монголы власть отдали – не допустит такого Небо.

97

Нашли Джучи в степи умирающим, с переломленным хребтом. И пошли отцы под ножи сыновей, и восставал улус на улус. За год в Сараях по два-три хана сменится, а в степи про то узнают не сразу. Есть гордое слово «кутермяк»: это величанье хана, несение нового владыки на войлоке. Но разгорелась смута в орде, и бывало за год по три кутермяка. А русские вынесли оттуда пренебрежительное «кутерьма».

После новой кутерьмы спрашивал сынопастух отца своего, старого воина:

– С чего начиналась ордынская смута?

– Говорят, с убийства хана Джанибека пошла она.

– Так ли? А Токтая разве не сын убил? Это же он, хан Узбек, ислам в орду привёл, а убийц отца не стал искать. А смерть Берке-хана разве не подозрительна? Выходит, и раньше было что-то.

– Говорят, убийцы Джучи начали замаятню. У Джучи много сынов было, сто сорок батыров называли себя джучидами. А кому мстить? Он, говорят, не был строгим с покорёнными. Кровь отцов и братьев на потомках Чингисхана, а Небо грех такой не прощает... Только не вздумай где-нибудь вслух сказать.

– Это понятно: мужчина для войны рождается, не для сплетен...

Когда великим ханом стал Гуюк, он войной пошёл на Бату-хана, племянника своего, но умер внезапно. Узбек убил отца своего, сын его Бердибек убил брата Джанибека, а его убил Кульпа, а его – Навруз, а его – Хызр, а его – Темир-ходжа... Сколько власти ни захвати, всё мало. Эта сила целые племена пожирает...

Вот когда явились два властных темника: Мамай на западе, Тимур на востоке. Они сажали ханов на престол и меняли их по своей охоте. Тогда Урус-хан, владетель Белой орды, похвалялся восстановить улус Джучи, великую орду. Он вырезал весь род Тука-тимуридов, убил чингизида Туй-ходжу-оглана из Синей орды. А сына его, Тохтамыша, приютил Железный Хромец: хотел посадить на престол подручного хана. Сам-то он чингизидом не был, прав на престол не имел, но потому великих ханов были у него на побегушках.

Растут в степи юрты, копятся стада в ней, растёт сила ордынская. Будет, будет ещё великий хан! Тохтамыш любил пиры и походы, а жизнью рисковать не хотел. В двух походах кряду проиграл, и тогда сам Тимур повёл войско против Урус-хана. Погиб в бою горделивый хан, а вчерашнему сироте досталась власть в двух ордах. Третью, Золотую орду он сам взял. И было это после Куликовской битвы, которая орду сильно ослабила.

Была славная победа на Куликовом поле, и вдруг опять гибель «украшно украшенной земле Русской»?! Казалось, вернулось худшее время: снова платит Русь дань, и ярлыки на княжение раздаёт хан по нраву татарскому, и в заложники взял малолетнего сына Дмитрия Донского. Топят избы и бани на Руси, землю пашут, рожь молотят и гадают: когда же Бог орду переменит. А юг кровью пенится.

Через год после набега на Москву допытывался хан: как шла битва с русскими на Дону. Тормошил бывалого Едигея. Спас когда-то Едигей раненого Тохтамыша, спас от смерти или плена позорного.

– Мамай собрал все силы орды и наделал ошибок. Так ведь? Опытный темник, а сразу в лоб ударил. Так уверен был в себе? Русы ведь уже били его войско.

– Он спешил, тебя боялся, мой хан, удара в спину. Вдруг вы с русским князем сговорились. Вообще-то он бой понимал. С холма видно, что конницы у русов меньше и всё войско плохо об-

ученное. Поджидать Ягайло не стал, решил: нечего делиться с ним, сам одолею.

– Я слышал, тумены правый и левой руки у него были сильные. А в центр кого ставил?

– Копейщиков из Италии. У них очень длинные копья, но отваги нет. Он центр ослабил, чтоб заманить русов в ловушку. Но ставить наёмников в центр...

– Болван так делает. Погоди, говорят, у Тимура тоже в центре пехота.

– Так и есть, мой хан. Мамай не понял, что у того копейщики и лучники самые стойкие. Укроются за деревянными щитами и никогда не побегут. А он изматывает конницу врага и только тогда открывает ей путь на пехоту.

– А гвардия-то где была у Мамай?

– При нём, вокруг холма стояла. Когда он решил: вот перелом в бою, настало время, то и бросил её в боковой охват. А русская засада этого и ждала, ударила сзади... Я так думаю: Мамай увидел русскую конницу и решил, что Ягайло подошёл. И усмехнулся небось: без тебя, мол, всё сделали. А русские всадили копья в спины его конникам. И поднялся визг: Ягайло предал, Ягайло бьёт нас. И побежали все. Копейщиков из Италии смяли свои же конники. А дальше ты знаешь, мой хан.

– Да, умирать за Мамай уже не хотели. Выехали мои нукеры, крикнули: «Где ваш хан? Нет у вас хана, потому и бьют вас. Вот законный хан, вот потомок повелителя мира». Это обо мне. И стали переходить тысячники под мои знамена. Мамай остался один среди поля. Его не связали, это было бы предательством, от него просто отвернулись. Побежал в свой Крым, а там ему горло перерезали...

В гневе не сдержан был Тохтамыш, унизил мурзу Едигея, которого только что другом называл:

– Забыл, кто ты такой? Ты просто бек по роду, а я потомок повелителя мира. Ты что, решил, что Аллах тебя возвысил? Скоро я укажу твоё место, горько пожалеешь.

– Чем я заслужил твой гнев? Разве я не говорил тебе: возьми Сарай и слава вознесёт тебя над степями. Будет слава хана – орда поверит в себя, станет опять непобедимой. А что я у Тимура учился воевать – так у кого же ещё-то? Тимур над царями султан, гроза мира – кто его победит? С ним надо мир искать.

– А меня победить легко?! Так, по-твоему? Я никому не поклонюсь. Не мнишь ли ты себя на

месте хана, как Тимур? Он ведь хвалит тебя. Кругом о твоих победах говорят, а не о моих.

– Я воевал за нашу орду. Мы степняки, а Тимур, он в городе вырос. Хан может проиграть и усидеть на троне, эмир – нет. Он это знает и проиграть для него – умереть.

В зените была звезда Тохтамыша. Но сказано: не посягай на того, кому судьба путь устилает. Хромой Тимур полвека провёл в походах и поражений не знал с молодости. А с ордой воевать ему нет интереса. Что в степи возьмёшь? Скот да пленниц. Совсем другое дело – южные города, золото возами оттуда вёз. Ядром войска были у него наёмники, а они стоили дорого. Страх полз по земле впереди его войска, липкий ужас, холодящий. Задрожит Тохтамыш, хан-ставленник, от одного его окрика. Так думал Тамерлан и просчитался: войной пошёл на него выкормыш, неблагодарностью отплатил благодетелю. Я, мол, ханский отпрыск, а ты, самозванец, будь у моего стремени. У того – расчёт и железная воля, у этого – вера в звезду великого хана.

В Иране был Тимур, когда Тохтамыш напал на Самарканд и осадил Бухару. Пришлось Хромцу вести домой войско, войну не закончив, и крепко растряс он Большую орду. Бежал Тохтамыш на Волгу, но мечту стать вторым Чингисханом не оставил и снова сделал набег на южные города. Тогда Тимур опустошил Хорезм, орде принадлежавший, ключевой город на Великом шёлковом пути. Пропал и Ургенч, богатейший город, ячменём и просом засеяли его площади. Теперь решающая битва стала неизбежной. Спешно собирал Тохтамыш тумены с трёх орд и согнал на Волгу войско, какого не было и у Бату-хана.

Нет, не собрать Тимур в городах столько конников, сколько степь даёт. И не проведёт он большое войско полупустыней – от Самарканда до Волги: корма не хватит ни коням, ни людям. Но Железный Хромец перед походом вспомнил обычай курултаев и собрал совет. Всё просчитали: с весенней травой двинулось его войско и загнало ордынцев в излучину Волги. А по дороге велел высечь надпись на камне: *«Султан Турана Тимур с двумястами тысяч воинов пошёл по кровь Тохтамыш-хана»*. На пять туменов было больше у Тохтамыша, на пятьдесят тысяч всадников. Степняки-удальцы прежде робости не знавали, но страх уже шёл по степи от имени Тимура, на два прехода опережал пыль от войска.

Спаситель Едигей ушёл от Тохтамыша: нет равных Тамерлану, не победить его. И вот в из-

лучине Волги, на малой реке Кондурче, навязал Хромец орде решающую битву. Степняки-ордынцы превышали числом войско Тимура, но оно хорошо было обучено и построено умело. Вместо привычных трёх частей выстроил Тимур семь подвижных кулов, каждый со своим знаменем. Командиры в битвах проверены, а Хромой Тимур – хитрый тактик. Когда силы кула на исходе, его заменяет другой, неизмотанный. Тимур ненужные делал развороты, а Тохтамыш радовался: бестолково дерётся Железный Хромец, стареет, видно. Где у него отборные части? Не поймёшь, прячет свой запас. А он на виду был: в самом центре окопалась пехота.

О, этот гул десятков тысяч копыт, нарастающий рёв конной лавы урра-ах, эти искажённые яростью лица – кто прежде мог противостоять им? Только другая конница, более сильная. А тут пешие! Закопались в землю по плечи, загородились щитами из досок и тучей шлюют стрелы в лица батыров. В орде так не воюют. Эти кроты стоят, а славная конница ордынская на глазах тает.

Три дня шла битва, и Тохтамыш не понял, что изучают его, ищут слабое место. Заманил Тимур лучшие его части на охват своего центра, измотал их, ударил с тыла. Был взмах руки Железного Хромца, послал он в бой лучшие конные части. И попала гвардия орды в клещи, а отступить некуда: сзади Волга. По берегам и легли изрубленные тумены.

Не знала орда такого урона, но велики были потери и у Тамерлана. Не стал он переправляться через Волгу, чтоб добить бегущих, и это была ошибка. Понадеялся на благоразумие разбитого хана. А у того заносчивость переборола страх. Умнейшие мурзы Тохтамыша вслед за Едигеем перебежали к непобедимому эмиру. Тамерлан – метла железная, а кто метёт, Бог или дьявол, непонятно.

Потерял Тохтамыш Сарай, столицу свою, самый большой город на Итили-Волге, и ещё с десятков городов поменьше. Но тут же послал хан в степь верных мурз собирать войско заново. И в Литву послов отправил за данью, и к египетскому султану за помощью. Собрал за четыре года новое войско со всей степи и ещё раз схлестнулся с Хромцом, на этот раз на Тереке. Здесь Тимур решил добить орду, запретил брать пленных.

Если бы понимал, что это рок, воевал бы осторожнее, а он, как никогда, был активен, и Тимур взял это в расчёт. Уже два лучших тумена в тылу тамерлановой конницы, и та отступает. Ага,

прогнулся Железный Хромец! Ещё немного, только проломить центр – побегут! И здесь, между Курой и Терекем, повторил Тохтамыш свою ошибку: опять заманили его в капкан. Опять о пехоту разбился ордынский натиск. И опять конная гвардия из Самарканда ударила в спину и смяла ряды. Тохтамыш рвёт свои волосы, помня предупреждение Тимура: на сей раз пощады не жди. Ведь посылал он гонцов к горделивому хану: «Из-за нескольких дураков погибать тысячам людей? У нас с тобой говор был на правах отца и сына».

Нет, не признал чингизид себя сыном. Железной метлой прошёлся Хромец по городам и становищам орды, уничтожил оба Сарая и Астрахань, погиб и Булгар, старый город на Волге. Отвернулась судьба от горделивого хана, а он всё ещё верил в звезду свою, бежал в Киев, под крыло великого князя литовского. А князь Витовт не только завладел Киевом, мечтал он подчинить Москву и Новгород, захватил уже Смоленск. Тоже отменный был гордец, принял от безвластного хана ярлык на владенье Русью. И клятву дал – восстановить Тохтамыша на ордынском троне. Сделать его подручным, как хотел когда-то Тимур. Мерещилась князю полная власть над ордой и Русью, уже провозгласили его великим князем литовско-русским.

Стянул Витовт к Киеву полки литовские, польские, русские, нанял за большие деньги рыцарей немецких, и, конечно, остатки орды Тохтамыша с ним были. Пышно, с барабанами и трубами выступило из Киева пёстрое войско. С тяжёлыми пушками вышли, с богатыми обозами. Сошлись рыцари, с ног до головы в железе, с ордынской конницей на берегах Ворсклы. Это малый приток Днепра, недалеко там сельцо Полтава. Через триста лет здесь разразится решающая битва с шведами.

Хан Темир-Кутлуй, посаженный на престол Едигеем, послал Витовту письмо властелина: «Выдай мне беглого царя Тохтамыша, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живёт, потому что изменчива наша жизнь. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, а завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги». А Витовту уверенности не занимать, и он шлёт хану вызов: «Бог покорила мне все земли, покоришься и ты мне, будь мне сыном, а я буду тебе отцом и давай мне всякий год дани и оброк; а ежели не станешь сыном, то будешь рабом и вся орда твоя будет предана мечу». Чтоб орда платила дань кому-то – неслыханно! Такого хана мигом растерзают. А Те-

мир-Кутлуй знал, что делал – стоял и ждал войско Едигея. Будто бы уступал, но снова писал с вызовом, а Витовт всё ужесточал условия.

Ох, дорого стоила литовскому князю самонадеянность. Сплоховал он, упустил момент, когда орда не была в полном сборе и не прибыл ещё опытный полководец. Привёл ученик Тимура закалённые свои тумены, перестроил ряды ордынские, и посланье его было с ухмылкой: «По праву ты взял нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод. Но я старше тебя, и тебе следует быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо моё чеканить на литовских монетах». Пятьдесят тысяч конных латников пришло с ним, рубак отборных, не знавших поражений. Пушки-бомбарды? Они часто мимо стреляют, а иногда и разрывает их. Не напугать степных удалцов дымом и грохотом.

А как раскатилась битва по степным берегам, мало пользы было от неповоротливых пушек. Не оправдали они себя в первом большом бою. Послал Витовт рыцарей в лоб на конницу Едигея, а тот отступил притворно, зашёл с тыла и смешал плохо управляемые части. Пушкарей расстреляли лучники по старинке, а рыцари ударились в бегство. Да разве от степных коней уйдут кони немецкие?! Тохтамыш это знал и бросился наутёк, когда битва была ещё в разгаре. До самого Киева гнал Едигей бегущих, и на десятки вёрст покрылась степь трупами. Штурмовать Киев не стал эмир, хозяин Золотой орды, взял большой выкуп и вернулся к себе в степи. Было это в тысяча триста девяносто девятом году христианской эры. Страшным разгромом европейского войска закончился четырнадцатый век. Но то была последняя большая победа орды. В битве при Ворскле погибли три русских полка во главе с прославленными героями Куликовской битвы. Среди убитых князей был и Боброк-Волынец.

Давние счёты были между Тохтамышем и эмиром, завладевшим теперь ордой. Были друзьями, стали врагами: убил хан престарелого отца Едигея. Едигей женился на дочери Тохтамыша, чтоб получить звание гургена – ханского зятя. Для человека без чингисовой крови это самое высокое звание, гургенами были и Мамай, и Тимур. Тохтамыш убил мать своей жены. Жалкая месть – свидетельство ханского бессилия, и орда отвернулась от него. Рыскал он по степи, как волк затравленный, и никто не дал ему приюта. Надеялся ещё закрепиться в Синей орде, начать там всё сначала.

100

*И сто тысяч сильных мужей,
Как рабы, склонялись пред ней –
Не склонялся один Едигей.*

Неумолимая судьба загнала его в Искер на Иртыше, потом погнала и дальше, за Тобол. Послал отсюда письмо Тимуру, умолял простить его, Аллахом клялся в верности. Едигей перехватил письмо и понял опасность: Тимур составил, дети его передерутся, и злосчастный Тохтамыш власть перехватит. И тогда повелел Едигей поставленному им хану найти и обезглавить Тохтамыша...

Топпились тени в памяти беглого хана – пришло время итогов. Казнь отца вспомнилась и побег к Тимуру, война с Белой ордой и смерть Урусхана. Победа над Мамаем, уже побеждённым, и сожжение Москвы. Неужели Небо сразу всё решило? Две проигранных битвы с Тимуром, война с Едигеем, ордой завладевшим. Кто они, Тимур и Едигей, перед ним, чингизидом?! Разбойник провозгласил себя султаном, завладел Бухарой, Самаркандом, Ургенчем, опустошил Иран и Закавказье. А выученик его – перебежчик. Сдаться самозванцам?! Бесславная выпала гибель хану трёх орд – зарезали, как и всех проигравших ханов-родственников.

А Едигей решил восстановить мощь орды и начал карательный поход на Москву. Взять её не смог, но города вокруг сжёг, взял выкуп и отступил в степи. Уже состарился эмир, в засаду попал и был убит сыном Тохтамыша, которому также не удалось зацепиться на троне Золотой орды. Истаяла мечта о возрождении Большой орды. Уходила, скрывалась за горизонт её кровавая звезда.

Русские летописи бегло рассказали о взлёте и падении Тохтамыша, хотя и величали его царём. А вот главные сраженья того времени летописи наши как будто и не заметили, хотя в них решалась судьба Руси. Невелики реки Кондурча, Терек и Ворскла, а на них были самые страшные сечи тёмного того века. То был закат Большой орды.

И дальше были набег и усобицы, месть открытая и тайные убийства ханов. Века ещё жили в степи сказанья о храбром Идигэ и мстительном Тохтамыше. А про Железного Хромца песен не пели: пирамиды из голов складывал, а о страшном не поют. Едигей был последним героем орды, теряющей свою силу, но помнящей величие. Он, «врагов ослаблявший врагами», умён был, храбр и опасен.

*Идигэ не кидался вспять,
Если смерть начинала гулять.*

Но жизнь брала своё, выделились новые орды: Синяя, она же Сибирский юрт, Ногайская, Казанская, Астраханская, Крымская. После смерти Тимура сыновья и внуки его сцепились, как пауки в банке. И вот снова на престоле, теперь уже в Бухаре, чингизиды...

Судьба Сибири решалась не при Тохтамыше, а через двести лет, когда Кучума, сына хана бухарского, казаки разбили. К ногаям побежал проигравший «царь сибирский», а орду Ногайскую Едигей основал. Ногаи приютили и потомков убитого Кучумом Едигера. А уж те обезглавили «прегродого» потомка Чингисхана.

Кому на руку было тохтамышево воцаренье? Москве – так поняли позднее. Он врага её ослабил – стравил Большую орду с более сильным противником. Сами того не желая, Тимур и Едигей сработали на пользу России. Железной метлой прошлись и по степи. Оживала Русь, в себя поверила. Вот вид с кургана, вот он, дальний горизонт...

ТОМ-ТУРА В ЭУШТЕ

101 Пойма-то здесь какая широченная! И выше Таянова городища она вёрст на двадцать, и ниже уходит. Река петлю выписывает, холмы огибает, и видно сверху, до чего славная пойма. А ну-ка башни встанут, какая даль с них откроется! Дышать вольготно, простор...

Чистый бор за спиной, считай, нетронутый. Сосны прямые все, как спицы. Хватит лесу и под острог, и под посад, когда придёт ему время. А всего дороже обрыв над речкой – место само под острог просится: с трёх сторон защищено. Под Тобольский кремль так же место выбирали, да и под Московский, небось, тоже. Вот зачем ты, Василий Тырков, прибыл сюда: разведка – дело государево. Оружие твоё – глаза и уши: смотри да запоминай. Записать бы сразу, да бумаги нет. Пока продумать, в уме хоть набросать...

Пригорок за речкой, и там, в елани, кучка бедных юрт. Скорее чумы, чем юрты, да ещё и середь дерев. Кто такие? Татары так жильё не ставят, другие там иноверцы, на особицу живут. И лица не круглые, вытянутые, скулы не так выпирают. Эуштинцы, конечно, не признают их своими: коней нет у них, в поход таких не возьмёшь. Юрточной горой кто-то из казаков назвал этот холм.

Юрты первым делом и заметили, когда строили малое зимовье в устье речки. Опасались тогда скорого набега киргизов. Как с князем Таяном переговорил, как попал на правый берег, взглянул сюда. И узнал кое-что нужное.

Старик на татарском языке плохо говорит, не сразу поймёшь, но знает ещё два языка. Про реку сказал:

– Тоом – это нашего языка слово. Река – водяная дорога, дальний путь повдоль мира. Из верхнего мира идёт она, от реки судьба твоя и твоего племени. Предки долго шли сюда, место искали. И горка вот эта – Уржат, тоже до татар так называлась, мы тут долго жили, а речка Ушай-га зовётся. Татарских имён у гор и ручьёв тут нет, татары пришли не шибко давно. Только священное озеро они переименовали по-своему: Ак-коль, Белое, значит, озеро. А сами его не уважают, коней купают в нём. Наше священное место тут было. Духов-покровителей, деревянные головы посекали татары и в огонь бросили. Дела у Эушты с тех пор плохи – наказывают духи. Уже второй большой хан пришёл, ваш белый хан.

Поддакнул ему:

– Какое слово наш государь скажет, тем оно и кончится. Под ним сто племён, не чета вашим чатам.

Вздыхнул старик, головой мотнул:

– Плохое время, нету тишины. Против кыргыз никому силу не скопить. Не ваш хан, так Иренак придёт, калмыки придут. Нам-то всё одно, кому дань платить, мы давно данники, подождём. А двойной алман – это тяжело. Добрые духи никуда не ушли, здесь они, и мы у себя дома. Хоседэм злая, сына своего холодом убила, а Томэм добрая. Позовёт она, и вернётся сюда большой герой Ича, будет доброе время.

– Дай-то Бог... А чаты, с ними вера одна у вас? Они, как и вы, тоже татары?

– Нет, мы не татары. У татар другая вера, они тайги боятся. А здесь кругом духи наших предков. Они землю стерегут, их уважать надо, а татары их знать не хотят. Сперва одни пришли, за ними другие, потом на Кучума ошетинились, как собаки на волка, а куда им – сильный был хан. Под свою веру всех гнул, чаты согласились, а Эушта только наполовину. Нельзя в чужую землю приходиться без согласия духов. Хочешь жить здесь – ручьям поклонись, утром священное озеро похвали.

– А сами-то вы откуда пришли?

– Мы тут всегда. Мои предки – самоеды, они здесь жили, пумпоколы потом, а татар долго не было. Они медведя ни на совет не зовут, ни на праздник. А медведь, он сам приходил недавно, священное озеро кругом обошёл. Это знак нам, а никто не понимает: хорошего шамана нет.

– Ну и что с того, что приходил? Лес-то рядом.

– Священное озеро – остаток великого потока. На горе озёр не бывает, тут воля Еся, верхнего бога. Тучи, молнии – всё его, дождь с ветром он посылает. Теперь-то поняли мы весть: Белый хан идёт. А сильный шаман сразу понял бы, кто весть посылает – Есь-бог или хозяйка смерти Хоседэм. Её если не задобришь, она беду и смерть наслёт. Есь жизнь даёт, она забирает. А Томэм – мать тепла, она птиц на север провожает. Если она весть шлёт, значит, Тоом наша сильно изменится. Всех просить надо, духи не любят гордых. Если для татар дурная весть, то для нас добрая.

Ага, языки его – пумпокольский и самоедский. Про самоедов вроде всё известно. Они выставляли свою Пегую орду и побежали от первого залпа наших пищалей. А пумпоколы не в счёт, их мало. Енисейскими осятками зовут их, ещё кетамы. Охотники, наверно, ясак будут платить. Хотя государь ведь не велел брать дань с тех, кто сами пойдут под русскую власть. Татары брали дань с них, а мы не будем. Да с кого тут брать-то – десяток-полтора, небось, их.

– А сколько у Таяна людей? Я слышал, всего триста юрт. Так или нет?

– Кто воевать способен, их триста, мужчин с оружием.

– Ну, это какое войско? Небось, и воевать-то по-настоящему разучились.

– Триста юрт какихто. Да и у соседей немногим больше. Эушта, хоть под сибирским царём не была, а быстро сдалась бы. Разбери-пойми их тут, кто князь, а кто мурза. Одаривал князьков – подарки берут с важным видом, а ярлык не подписывают, боятся. И к соседу отсылают: «Вот ступай, посол, к Еваге, – сказал Ашкенеи. – Если он поклонится белому хану, и мы за ним».

Евага отослал к Енюге, а Енюга к Таяну. Сказал: «Этот подпишет, ему деваться некуда, его землю вот-вот кыргызы отнимут».

Так узнал про Таяна. Грамоту показал ему – поверил он, что его имя русский царь вписал в неё. Каждый верит, что про него эта грамота писана. Так и читал: Царь и великий князь всея Руси зовёт тебя, князь Евага, под свою сильную

руку и даёт тебе и земле твоей мир и верное бережение от всех врагов.

Слушают, от гордости пыжатыся, потом в задумчивость впадают:

– И от калмыков обережение сулит? А знает ли белый хан, сколько их? А за ними Алтын-хан ещё. Сейчас они меж собой дерутся, а увидят ваше войско – помирятся. Что тогда скажешь? Мы тоже ссоримся, пока дальний хан не придёт. Нет, не оттуда ваш белый хан начинается. Победил Кучума – ладно, теперь с калмыками воюйте, а мы...

Ашкенеев городок в устье Томи-реки. Выше – Евагин городок, а ещё выше Таянов. Этот род зовётся Еушта, живут зимой на острове, летом – в заливных лугах. Разводят малорослых мохнатых коней, а сена не ставят, кони добывают корм из-под снега. Держат овец и коров, сеют ячмень, охоту любят. Улус-то у Таяна мал, одно название, что улус. Выше по Томе-реке улус князька Басандая, ему тоже надо посулить защиту: царь-де ярлык даёт на обережение от киргизов. Царь от всех заступит. В этом убедить ещё надо.

Где им тут понять, что за Москва и сколько месяцев пути до неё. Знают только, что силён белый хан, раз победил Кучума. Впустую проехали земли Тигильдея, Ашкенея, Енюги и Еваги. У Таянова городка решили дать коням отдых. Кучка юрт на берегу, тёмная речка впадает тут в Тому-реку. Улус Эушта платит дань кыргызам. Про это ещё чаты рассказали. Друг про друга только плохое сказывают, а себя каждый величает. Про Таяна всерьёз и говорить не хотят, кто рукой машет, кто криво усмехается. Что бы это значило? Понял потом: они на него смотрят как на приговорённого: недолог, мол, век его. И у всех гордость под стать царю Валтасару: мы-де от сотворенья мира, от матери-волчицы праведной.

Вот почему Таян внимательней всех слушал государево слово, что «царское величество их жаловал, велел в их волости для обережения город поставити и велел де их во всем беречи, чтоб им насильства никоторого не было... и братьев и дядей и племянников и друзей отовсюду призывали бы и волости полнили... чтоб их причить, и поити их и кормити, государевы запасы и сукна им давати смотря по их служению...»

Таян разговорчивым оказался, сразу доверие вызвал: в глаза смотрит, не то что соседние князьки. Не очень стар ещё, в чуть перезрелой мужской поре, но в седле крепок. Старший сын

подрастает, есть кому владенья отдать. Если не утекут они, не уплывут в чужие руки. Живут его люди не бедно, скота много, но какие это князьки богатства – с десятков вёрст вдоль реки, вот и вся земля Таянова. А соседи жадно косятся, ждут заварухи. Понимают: вот-вот кто-то приберёт эти лоскутные улусы, чья-то сильная рука. Ждут, когда большие ханы передерутся.

– За чатами есть земля ашкитимов, большое там поселение на великой реке Умар, она ещё Обью зовётся. Оттуда купцы приезжают, шкурки скупают. Там и город есть. А телеуты, белые калмыки, они и степные есть, и горные. Абак у них князь, платит дань чёрным калмыкам, которые зовутся джунгарами. Эти враждуют с большой ордой кипчакской, а её и Кучум подчинить не сумел. Кучум взял Чатский и Мурзинский городки, а сюда не дошёл. Мурза Евага приезжал, уговаривал поклониться Кучуму. У него людей больше. А Басандай, соседний князь, за киргизов хоронится, их боится.

Ну да, и до Тобольска слух дошёл: чатские князьки сами искали русских, когда побили мы Кучума. Они жили как раз на Ирмени, где с Кучумом покончено. Чаты тоже боятся чёрных калмыков. А белых, телеутов этих, в свою сторону склоняют, да не сумели, видно.

103

– Тигильдей, Енюга и Евага – все родня, а всегда лаются. Кучум-хан не успел Эушту под себя подмять: знал, что в лесу спрячемся. Чатам скрыться некуда, они сразу признали его власть. Ваш белый хан, видно, сильнее, раз поколотил его, Кучум-хана. Верный слух пришёл: калмыки посулили Эушту Басандаю. А телеуты не этого хотят, себе забрать решили, хотя те и другие под калмыками. Басандая не поймёшь, он, видно, у кыргызов врать научился: говорит, что он потомок хана Тохтамыша. Да мы же все одного корня, роды наши близки. А кыргызы ему верят.

– Значит, чаты и еуштинцы родством считаются? Или не так? Все ведь татары.

– Чаты не здесь раньше жили, на полдень отсюда, а потом сюда подошли со своими стадами. А раньше, до Кучума-хана, киргизы приходили, они теперь под калмыками, сами киштымы-данники, а с нас алман берут. Тронешь их – жди большой войны с калмыками. Эти хуже всех.

– Посмотрим... Абак чей князь?

– Он хан телеутский. Его и тайшой называют.

– То есть белых калмыков ханом?

– Они не калмыки, сами дань платят настоящим калмыкам. Тех, джунгар, много-много, но

они далеко. Сами не идут сюда, князь Номча от киргиз их именем приходит. С чатами не договоришься, а с Эушты алман берёт. Будет война – всем достанется.

Так-так. Их бы всех на киргизов натравить, вера-то разная. И не они опасны, а чёрные калмыки. Говорят, их видимо-невидимо. Ещё государь Иван Васильевич посылал двух казаков в их землю и дальше – к Алтын-хану монгольскому. Да всё в большую калмыцкую орду упирается, в Джунгарию эту. Там и язык другой, и вера не та. А кыргызы живут многими родами в своей земле Бурутской. Басандай будто бы в дружбе с Немekom, но тот старик, не боевит уже, за него там Номча правит. Ходили и туда разведкой. *«Киргизская де земля кочевая, – поведали по возвращении, – живут в ызбах полстяных, а ходят в шубах и в зипунах, а едят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучной. Лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют, и не родитца... А сен де на скот не готовят... к зиме сен ставить на лошади и на рогатый скот негде».*

– А киргизы, они во что верят?

– Камлают по-своему. Камы у них не только мужики, но и бабы, и все разной силы. У старшего кама, говорят, девять бубнов. И особый кам на войну идёт. У них четыре главных улуса. Из них выбирают главного князя, а киштымские улусы не выбирают. Делятся на белых кыргызов и на чёрных – чайзаны и харачи. У чайзанов скота больше. И тубинцы под ними, и маторы, и сагайцы. Князь Немек по отцу власть имел, а под ним молодой Номча и Кара. У каждого свои воинские люди, каждый на себя алман собирает и с главным князем делится. Счёт убитых ведут по отрезанным ушам, в мешки их складывают. Есть там калмыцкая дорога, джунгары за данью приезжают.

Таянов род, Ашкенеев, Басандаев, Тигильдеев, Евагин... косятся друг на друга, как бы чужой кус зацапать. С Евагой и Ашкенеем, придёт пора, разберёмся. Немирный, кажется, только князец Басандай. У него юрт, кажется, не меньше таяновых. Вот если он для защиты киргизов позовёт... Белые калмыки, или как их, телеуты – другое дело. Мурза Абак хитёр, говорят, и осторожен. И опасен он: людей у него будто бы до пяти тысяч. Мурза Тарлав – зять его, дружит с Аблайгиримом, внуком Кучума. А за него держится Когутей со своим улусом Барабинским. Абака послушают, говорит Таян, если он будет дружить с Москвой. А если ни Басандай, ни Евага, ни Ашкеней не пойдут в служилые татары да сговорятся, жди бунта от

них... Острог, всё в нём, все концы сюда сходятся. Его и киргизам не взять, вот разве что калмыки.

А что в Москве знают? Что Золотая орда Тюменское ханство подмяла когда-то. Синяя орда, пришло время, ей уже не подчинялась. Но её раздирала вражда шибанидов с тайбугинами. По местным сказаньям, улус по рекам Иртышу и Туре получил Тайбуга. Это он основал Ишимское ханство и построил Кизил-туру и Чинги-туру. Преданье возводит род Тайбуги к Ван-хану, которому служил когда-то и которого убил Темучин, будущий Чингисхан. Едигер, сидевший в Сибири-Искере, – тайбугин. Потому так зло расправился Кучум с ним, зарезал и собакам кинул. Сеид-хан, племянник убитого Едигера, взял сторону Москвы, мстить стал Кучуму. Татары-тайбугины пошли в последний поход на Кучума и неплохо воевали. Трон под Кучумом зашатался, когда полонили Маметкула, лучшего командира в его войске. А когда Карача вышел из повиновения, далеко откочевал, тут уж, считай, рухнул трон царя сибирского.

Сибирское царство само упало Кучуму в руки, считай, даром ведь досталось. Он увеличил ясак в десять раз, и остяки с надеждой смотрели на Ермака. А тот повёл себя правильно, брал-то по-божески. Ермак, он и умом, и напуском силён был. Всё это на глазах было, сам участвовал. Был Епанчин городок, стал Туринском. Побили Епанчу – позвали тогда на службу в Тобольск. Ходил против чатских татар и против Алея, сына Кучумова, в последнем разгроме Сибирского царства участвовал.

А вот Ермак... Совсем рядом был, а уже поют о нём. Внукам легенды расскажут. А ведь он хотел, небось, устроить здесь свою, казачью, державу-вольницу. Без бояр и без холопов, со своим толковым кругом, со своим судом, казачьим. Наверняка так думал, вольную Иртышскую сечу видел за Камнем. Иртыш дальше от Москвы, чем Дон, и богатства здесь куда больше. Но сил-то мало, самому с сибирцами не справиться, пришлось царю поклониться. А царь хотел перевешать их за разбой, как татей. Кроме как в Сибирь, уйти им некуда было: сибирское взятие покроет прошлые вины. На то рассчитывали: грозен царь, да милостив. А с татарвой воевать они хотели давно. На воде не взять их было и большим ханам. А вот чёрные эти калмыки, или как их, джунгары... Тут большое нужно войско.

Записать надо, как наказную память исполнил. Сперва придётся тобольскому воеводе по-

107

дать грамоту: он послал разведывать. Потом, может быть, заставят всё повторить в челобитной царю. Примерно так: «Прибыл я, письменной голова Василий Тырков сын Фомин, в устье Томыреки с малым числом казаков. Послан был для разведки и уговоров, чтоб убедить князей здешних стать под высокую руку государя и великого князя всея Руси. Шёл Обию рекой по улусу чатов до усть Тома три дни. Тома река не больно широка, а быстра и рыбна. Муксун рыба есть, и нельма, и осётр, и тальмень, и стерляди много. В лесах лоси и медведи, и соболь есть. Татары по Томе и Оби живут родами со своими мурзами: Тоянов род, Ашкенеев, Басандаев, Тигильдеев, Евагин. Все с одним татарским языком.

Вдоль Оби стал улус чатов, идёт от Тома до Ирмени, где царя Кучума побили запрошлым летом. Чаты были данники его, сибирского царя, и веру басурманскую от него прияли. Выше живут тако же татары, слывут Еушта, числом их не много. Князь у них, еуштинцев, Тоян, страшится улус свой потерять и готов пойти под государеву высокую руку. Острог мочно будет ставить, еуштинцы в конную службу годны, в помочь городовым казам. Чаты в службу не пойдут, а воевать с великим государем страшатся и выжидают, что станется. Силу белого царя знают, а могут ли изменить и уйти в калмыки, того нельзя знать заране. С киргизами миру нет у них, и войны тоже нет, потому как за киргизами калмыки. А выше Еушты правит князь Басандай, он потай сноится с мунгалами через киргизов, а своей силы и у него немного. Слух есть, будто улус Еушты тайша калмыцкий посулил мурзе Басандаю. Только у Тояна-князя склон в русскую защиту, и на разговор об остроге он, Тоян, сильно головою кивает.

А жила здесь, по слухам, самоядь сидячая, не оленная, сказывают, тут де было их мольбище. На горе при озере истуканы стояли, посечены татарами и в огонь снесены. А моление у них, у самоедов, сибирское – камлают с бубнами. Сказывал старик-самоедин: находили-де окрест железну руду и плавил, и ковали ножи да топоры. А Тома своим устьем пала в Обь под закат, по крутому берегу бор доброй стоит и всякой другой лес растёт, есть луга и поляны, скот пасти и сено ставить мочно. Земля к пахоте пригожа, а больших полян мало, росчисть нужна. Есть пригорок изрядной крутизны, то место под острог пригоже, понеже защищено с трёх сторон. Тут, на грани с немирными татарами, хороший нужен острог. Тем мы и киргизам заслон поставим, и

белым калмыкам, и те улусы, что на полдене живут, под высокую царскую руку приведём».

Так бы написать, да пока бумагу пожалеть надо. Таян захочет челобитную писать – вот тогда последний лист пригодится. А пока смотреть да прикидывать, на то и разведка – ум и хитрость. Найди слабого и сделай из него упор для силы. Лаской-то больше добьёшься. Хотя добровольно-то кто пойдёт под чужую власть? Таких дурней на всей земле не найти. Когда большое войско придёт, победу за победой одержит – тут деваться некуда. А пока нет его, кто побежит навстречу сдаваться? Пришла угроза жизни – вот князьки и зачесались. Им пример был перед самым Ермаковым приходом, небось, все знают. Едигер-хан написал царю Ивану Васильевичу, что грозит ему Кучум бухарский, просил под высокую руку Москвы. А царь большую войну вёл тогда ливонскую, не мог расколоть войско. Кучум пришёл и убил Едигера вместе с младшим братом. И тела, говорят, собакам кинул. Вот чего Таян боится. И хочется ему, и колет: если что не так пойдёт, киргизы не пожалеют. Сказал ему, что государь-царь знает и помнит о нём, Таяне еуштинском. Пушай гордится, вреда нет. А не подумает, что слабосилен белый царь, раз о нём, маломочном князьке, печётся? Да нет, он же знает, как раскатали мы Кучума. А что у себя на Москве царь помнит про него – так мудрый, значит. Знают, что царь русский великие города взял – Казань и Астрахань...

Имя острогу нужно. Таян своё название подсовывает: Том-тура. Мы, мол, свой город так зовём. Подумаешь, город: бугор и тын жиденский, огородный. Жить хотят на левом своём берегу, от нашего острога отдельно. В Сибири был один город – Кизил-тура, где-то на Ишиме-реке стоял. Будто бы и ханство называлось Ишимским, а когда дело было – разбери-пойми теперь. А может, Томским назвать острог-то? Там видно будет, главное дело – успеть за лето поставить его, пока киргизы не нагрязнули. Штурмом им не взять: огненного боя нет у них. Тобольск ведь татары не смогли взять.

Берёзов, Сургут, Нарымский и Кетский остроги – благодать для служилого люда: спят таёжные племена и сны видят старые-престарые, как тыщу лет назад. А степь кипит. Там резня народишки перетасовывает. Кетский острог ставили – думали: вид на юг приоткроется. Но там остьяки кругом, а тут степь подпирает, в ней осколки больших орд. При дворе хана были со-

ветники – мурзы, управляли малыми улусами. У иных и собственные укрепленные городки были. Войско набирали там, когда хан объявлял поход, а после распада Большой орды сами не знают, кто они. И что может выйти? С той стороны татары обасурманенные, а с востока – кто они? Кому чёрные калмыки поклоняются? У них попы зовутся: ламы. И скоро видно будет, церкви ли будут стоять или... Не век юртам стоять.

Главное на сей день: считай, склонил Таяна под руку Москвы. Тут верное дело – привести его к шерти, будет служить и прямить во всем, измену чинить не станет: тогда смерть ему с двух сторон. Он ищет заступника: слабого здесь и родня порвет. Князей-неслухов станет уговаривать пойти под государеву руку. Уже назвал своих соседей, с которых ясак взимать можно. И не соврал, старик-самоедин то же сказывает. Положение своё понимает вроде бы как надо.

Разве что побоится ехать так далеко, нигде, небось, не бывал. В отписке надо указать это. Зачем его в Москву везти, в такую даль? У него глаза округляются: три месяца пути – и всё земля Белого хана?! Всё равно ведь шерть-клятву не в Москве с него брать, а в Тобольске. Ещё лучше в Сургуте, ближе к его земле... Понимает, что кучумовичи раскололись: одни под калмыков хотят пойти, другие от Бухары ждут помощи. А Бухаре на что нужна война с Москвой? На них самих калмыки-джунгары нападали...

Уговорил Таяна проводить к Басандаю. На Петровке двинулся малый отряд вверх по Томе, в гости, с подарками. Таян впереди со своим княжеским бунчуком трёххвостым. Мурза-князь к мурзе-князю в гости едет, равные они и родичи дальние. Ехали вдоль обрывистых берегов. Места красивые, но для острога нет подходящей горы. Таяновы конники улыбаются, угощение предвкушают. И на тебе – конная полусотня в куклах, в полном вооружении стоит. Луки вынуты, стрелы на тетивы положены.

Вот тут и понял: цены нет Таяну в переговорах. Заговорил он пышными словами, и конники луки в колчаны спрятали.

– Честь тебе и поклон, храбрый Басандай! Слух о тебе дошёл до белого хана, он шлёт тебе с послем знаки великого уваженья. Для чего ты войско выставил, разве так гостей встречают?

– Непрошенных гостей – только так. Не звал я к себе белого хана.

– А он дружбу предлагает, хочет через тебя с кыргызами говорить. Обещает со всех, кто в

дружбу пойдёт, не брать ясак. А кыргызы немало грабят, стада по пути угоняют. Не так разве? У них джут чаще, чем у нас бывает, голод через год на второй. Тогда они киштымам ничего не оставляют. А урусы хлеб имеют, у них голода нет. И от калмыков защитят.

– Такого войска, как у калмыков, нигде больше нет. Негоже нам, Таян, под далёкого белого хана идти. Придут джунгары, они не простят тебе. Пока белый хан дойдёт, тебя на кол посадят. А сейчас напирать будете – позову Аблайкирима, вместе придут и телеуты, и киргизы. Что делать будешь, Таян?

– А ты, Басандай, видел огненный бой урусов? У них большие таратайки дым и гром пускают и убивают за раз пять-шесть конников. Они самого большого сибирского хана победили. А с ним кто из нас воевать мог?

– Джунгары. Просто дело до войны не дошло, а их много больше. Смотри, Таян, ох смотри. Нам меж собой драться не надо, пока нас не заставляют. А там... на всё воля Неба.

Ни с чем вернулись в Таянов городок. Зато ясно стало: дружбы от Басандая не жди, этот союзником не станет. Если киргизы нагрянут, с ними он пойдёт, с ними. А пока выжидать будет. Белые калмыки приходят торговать к нему, и есть их юрты, телеутские, на бору Тохтамышевом. Не стало сильного хана, и все хотят делить наследье его.

Пятнадцать лет прошло после гибели Ермака, Кучум-хан частью восстановил силу свою. Тогда послали на него из Тары конный отряд воеводы Воейкова. Около четырёх сотен казаков да служилых татар около того. В отряде Воейкова пошли соратники Ермака Гаврила Иванов и Юрьев. Ехали мстить за атамана и дали волю своим пищалям и саблям. В Тобольске показывали письмо тарского воеводы Андрея Воейкова, самому царю писано: *«И пришел я, холоп твой, на Кучума-царя в двадцатый день на солнечном восходе, и бился с Кучумом-царём до полдень, и Божьим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума-царя побил».*

Долго искала разведка Кучумову ставку по перелескам, местные татары правду утаили. В Барабе, мол, он прячется, меж озёр, а он вот где – на Обь ушёл. Нашли огороженный стан «сибирского царя» в устье Ирмени-реки и ударили ранним утром. Спал Кучум и воины его спали, с полтыщи их осталось. Тихо сняли казаки сонную охрану, тихо, в полутьме подошли к шатрам,

и грохнул залп в полутьме. Сделать хотели с татарами то самое, как они с Ермаком. Только тогда-то казаков всех зарубили, кроме одного, который Иртыш переплыл, а тут полон богатый взяли.

А всё же не совсем ошеломил кучумовцев пищальный залп, с восхода до полудня бой шёл. Приступом, сквозь тучу стрел, взяли стан, прижали отряд к Оби и загнали в воду. Погибли брат и внуки Кучума, шесть князей, пятнадцать мурз и триста воинов. В плен погнали пять сыновей-кучумовичей, пять ближних мурз и полтораста воинов. Сам-то властелин сибирский прорвался к воде и уплыл на другой берег. Долго гнались казаки вдоль берега, но ушёл Кучум, опять ушёл.

Да, громкий был бой ирменский, жестокий для татар, для казаков славный. Внукам будут рассказывать, как рухнула власть того, кто назвал себя царём сибирским. Отшатнулись от него степные племена, один за другим присягали русскому царю. Теперь вдоль Оби надо расширять земли государевы, а там уж и на восток продвигаться.

К чатам подался Кучум, к своим данникам, приткнулся в Чёртовом городище, а там ему на порог указали. Побежал Кучум на юг, к ногайцам, а уж те его и уколошили. Там жили потомки Едигера, убитого Кучумом. Воейков ещё раз послал Кучуму приглашение царя Бориса перейти со всеми своими людьми на русскую службу – от-казался злосчастно-гордый владыка сибирский.

С этой победы взоры Москвы на юг обратились: взять всё царство Кучумово, всю Сибирь. Едигера царём не называли, хотя владел-то он тем, что отнял у него Кучум. Почему так? Он не из рода чингизидов, в этом всё дело. Сына Кучумова живым взяли и в Москву повезли – для клятвы, для законности.

Поедет Таян в Москву, даёт согласие. Пример для других князьков. И вызов для сильной орды... Как действует кумыс на татар: лица добреют, глаза яснеют. По горлу сам катится. Всего-то кобылье молоко сквашенное, а не хуже нашей браги. Стал Таян любопытствовать про род и звание. Видать, славные были предки, раз послом великого Белого хана стал?

Сказать ему, что из хунородных? Зачем? Запутается. Видит, что перед ним воин, и ладно. И на Руси-то уже редко кто помнит, откуда взялись дети боярские. Опосля можно будет растолковать, что это ближняя челядь, какую бояре на войну с собой берут... Татары видят, что русские мурзы не кичливы, совсем не как у них. Привыкли в орде одни титулы уважать, чванятся друг

перед другом. Таян – бик-мурза, но, считая, беззащитный. Станет за царскую спину – себя защитит, не станет – уронит. Чёрных калмыков боится, они родовитых первым делом режут...

– Род мой служилый, и я сын боярский. До письменного головы дослужился, когда Епанчу в полон взял.

– А боярин – это набольший мурза? Так говорю?

– Бояре, они разные. В дети боярские лучшие из казаков выходят. Когда боярин на войну идёт по приказу царскому, он своих людей ведёт с собой, коней даёт им и оружие.

– Значит, дети батыров? К таким Небо-Тенгри благоволит. А главный ваш батыр почему не пришёл сюда? Как его – Ярмак?

– Ермак-то? Ну, он дело знает. Ждёт, что калмыки содеют, всех казаков проверяет, велел готовиться.

Ага, и здесь имени Ермака боятся. Это нам на руку будет, не грех и приврать. Этот князь-мурза со стариками-татарами, конечно, советуется, слушает, что скажут. А старикам что – им по старине жить охота. И без того было беспокойно, а тут Кучум велел всех татар в новую веру склонять. Камов, творящих заклинания, пророк велел наказывать. А есть праздники, где нельзя без них. Да хоть праздник плуга, сабантуй. И старых геров забыть опасно. Сартакпай создал реки Умар и Том – как не помянуть его в праздник? Все, кроме Шайтана, подчинены Аллаху. Трон Аллаха на седьмом небе, выше Тенгри, а мы их вместе поминаем. Старикам трудно было привыкнуть, не то что молодым. Не разгневались бы предки на нас, не подумали бы, что отвернулись мы от них.

Таян рассуждает по-стариковски:

– Тенгри-Аллах в первую голову тех наказывает, кто клятвы нарушает, предков не чтит. Такие после смерти попадают в плохое место, где никогда нет солнца. Старики помнят, что ад ниже земли, и там всё наоборот. Кто богатство неправильно нажил, там в цепях ходит. Предатели там вечно на колу. С врагами мирятся рано или поздно, а предателей никогда не прощают.

Беспокойные ночи пришли в Эушту. Стон поселился в юртах, сны пришли непонятные. Не видывали таких снов: яма над ямой, на всех горах ямы, и торчат из них головы на кольях. Огнём телеги плюются, от огня сосны валяются. Идут старые мурзы к Таяну: «Растолкуй нам слова твоего гостя. Чего хочет Белый хан? Что ты задумал? Не

пригонять ли урусы свои стада к нам?» «Нет-нет, Белый хан прислал мне ханское писание с клятвой: убережёт нас от кыргызов, а ясака брать не будет. В друзья зовёт». Завздохали аксакалы, захохотали, как узнали, что князь их собирается далеко ехать, на поклон Белому хану. Узнал это и Басандай и сейчас же послал гонца на Чулым, ушла весть дальше – на Енисей к кыргызам.

Уже всё на войну указывает. Все му ответ острог, только на него надежда. Спровоцировать надо до глубокой осени. Сотня казаков за лето не поставит, под двести надо бы, не меньше. А где взять их тут, в Сибири? Одни – сосны валить, другие – волочить их конной тягой. Свежеошкуранные-то стволы скользят по земле легче. Третьи – копать землю, брёвна палить снизу, сверху затёсывать. Сколоченная артель нужна. Кто с топором, пали ставит, кто чурками землю трамбует, кто брёвна на стену катит. А уж башни ладить, тут тем паче мастаки нужны, чтоб рука цепкая, глаз набитый. Ну да не впервой... Устоит острог – поверят ближние татары в царское обережение, притихнут и южные соседи.

Таян согласился плыть вниз, в Сургут – для клятвы-шерти. Дело сделано! А там и в Тобольск свезут его. Где шерть даст он, это дело пятое...

А пока в Сургут отбывал сам письменный голова. Уплывал по течению и на повороте ещё раз оглянулся на гору. Светлый бор стоит, тихо радуется. Чему? Величию близкому? Возьмём шерть с Таяна – застучат топоры. Другая начнётся пора здесь – русская. Лицом, главными башнями на север острог смотреть будет. С севера угрозы нет и не будет её. Главная опасность – левый берег. Пушки на башнях, их голос убедит степняков. Наскочат с огненными стрелами да с факелами, а со стены – залп пищальный.

Наверно, сперва сделают киргизы малый набег, потрогают стены для разведки, а уж потом, через год-два, подкопят силы... Их-то штурм отобьём с Божьей помощью. А на осаду они без калмыков не решатся: из Кетского острога, из Нарымского подмога успеет. Вот с калмыками миру не будет, или мы их, или они нас. Хозяинчают здесь, в Сибири, всеми племенами владеют. В степь пушки против них не повезёшь, а на башнях острога они хорошо себя покажут. Быть здесь бою, не миновать его. Да и не с одним набегом пойдут, да и числом немалым.

А ну как вся степь разом двинется с юга. Как устоим? Объединятся орды – где воинских людей наберётся? Пришлют сто казаков, ну пусть

даже двести – что это против степной орды? Одних белых калмыков, говорят, тысяч с пять, за ними чёрные, а тех кто сосчитал? Скажет контайша своё слово, и пойдут волна за волной, сверху киргизы, снизу барабинские татары. Выстоим! Не в силе Бог, а в правде.

Выстоим – пашенный народ повалит, овины и мельницы понастроит. Церкви встанут, колокола зазвонят. И сила, и правда с нами будет. Встанут стены над обрывом, и чаты начнут селиться окрест города на правом берегу, станут служилыми татарами.

Подтвердился расчёт Тыркова, подтвердились и опасения: только поднялись стены – пришли кыргызы. Взять не смогли, куда там, а сами полегли немалым числом. За три месяца и двадцать дней встали стены и башни. Татары, не только зуштинцы, но и чаты, подъезжали вплотную к реке и долго смотрели, как на сказку. Появились и белые калмыки, телеуты, застывали и пятили коней в улус Басандая.

А потом в своих кочевьях на Оби разрешили чаты поставить Чаусский острог. Их начальники мурзами прозывались, но долго ещё была в них шатость, а в зуштинцах её не было. Мурза Тарлав женился на дочери Абака, князя телеутского. Дал клятву-шерть на русское подданство, а потом бежал к тестю своему, к телеутам. А те шатнулись к джунгарам. Пришёл Тарлав набегом и сжёг свой Чатский городок, немало побил и русских, и татар. И погиб в первой же серьёзной схватке. И всё же потомки его были мурзами с государевым окладом. А вот потомки Басандая титулов не получили, мурзами не были.

Ясак платить надо восточным ханам, а не Белому царю – так внушал Басандай соседям. Нападать велел на урусов в лесу и на дорогах, жечь поля и деревни. Когда накатились кыргызы с Енисея, Басандай с ними пошёл – и погиб под стенами ненавистной для него Том-туры. Прогдал Басандай, а Таян – нет. Царь освободил Эушту от ясака, а все соседние племена платили. Четыре набега выдержал Томский острог, и всегда зуштинцы были союзниками. За верную службу получил Таян царские подарки. Поехал «белых калмыков проведать» и остался заложником, пока Абак ездил в Томск и давал клятву на подданство. Присягнул Абак на верность Белому царю... и изменил. Потом просил обережения от Алтын-хана монгольского, а в обмен – беспошлинную торговлю под Томском. Хитёр был Абак, всех хотел объегорить. «Царсково жа-

лованья дали Обаку князю: однорядку, да рубашку золотую, да колпак, да сапоги, а мурзам по однорядке настрафильной и людем ево по однорядке рословской. Без ясака почали часто з базаром и лошадыми и с коровами приходить в Томской город, и лошадыми, и коровами служивые люди наполнилися в Томском городе... Обак и мурзы подкочевали со всем улусом за день до Томского города. Велели Обаку чёрных колмаков призывать». А ясака с телеутов сначала не брали: ждали согласия на постройку острожка на границе Алтая. Абак же тайно сноился с Хара-Хулой джунгарским. А тот уже перешёл Салаирский кряж и велел идти с ним на русский город. Подчинился Абак и взял Чатский городок, что на дороге между Томском и Тарой. Но когда джунгары с кыргызами готовились напасть на Томский острог, Абак предупредил. Опять клялся в верности московскому царю как ни чём не бывало.

Когда Тарлав «вышел в Белые колмаки», войско телеутов и чатских татар двинулось вниз по Оби и погромило земли мурз, верных московскому царю. Сожгли несколько городков и «ясачную Шагарскую волость». Ждали прихода Аблайгерима барабинского, чтобы разом сжечь Томский город и Кузнецкий острог, только что построенный.

А Василий Тырков, известно, служилый человек, вернулся на Томь, поставил Томский острог, и в Тобольск его отзывали. После воеводства в Томске, потом отправили искать сыновей Кучума. Они рыскали от Иртыша до Оби, избы разоряли, служилых людей убивали.

А как прибыли воеводы из Москвы, так и началась кривда – лихоимство с поборами. Был твёрдый царский указ: «С бедных людей, кому ясаков платить не мочно, по сыску имать ясаков не велено, чтоб им нужды не было. И они б, сибирские земли всякие люди, жили в царском жалованье, в покое и тишине без всякого сумления...» И если воеводы «насилие и продажу чинили, ясак имали не по государеву указу вдвое – и государь велел на тех людей давать суд...» Но из Сибири-то до царя вон как далеко, а дармовое богатство в руки так и просится. Воеводы Ржевский и Бартенёв на службе «ясашных людей пытками пытали и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы и собаки и рыбу и жир, чем они сыты бывают, имали насильством». Наглым своим поведением довели воеводы дело до войны с кыргызами, и тлепа-тянулась она полвека. И на бунт толкнули народ воеводы, погибло

при усмирении немало служивых. Это при бедности населения. Царю жаловались казаки: их «в Томском городе сжуржихлых людей немного»; и никогда они вместе не бывают, всегда на границе Эушты или в разъездах. И год за годом в нужде.

«Да в прошлом, государь, во 142 году вечною гневом праведным божьим, как Томь река вскрылась и пришла на посад вода со льдом большая и дворишка у нас, холопей твоих, водою и льдом сломало и хлеб и скотинишка потопила и всякий лес от дворишков и с пристанищ и рубленные всякие хоромишко водою разнесло розно... и мы, государь, холопи твои, в три годы в тех хлебных недородах и водных потопах хлеб покупаючи такую дорогою ценою, обнищали и задолжали великими долгами, и в тех, государь, покупках хлебных, мы, холопи твои, оружие и панцири, и шеломы, дворишка свои и кони и всякую сбрую иззакладывали и спродали, а нынеча, государь, мы, холопи твои, от той хлебной скудости иззадолжали и обнищали и вконец погибли».

А как подняли пашню, город сразу превзошёл два ближних острога, Нарымский и Кетский, скоро заслонил он и Сургутский. Одни переселенцы занялись ремёслами и торговлей, другие получили землю под пахоту, косьбу и пастьбу скота. Потом учредили ямскую повинность вместо ясака – татары грузы перевозили в Тобольск, а потом и в Иркутск. Расцвёл санный промысел и тележный, коней скупали в степи, кузни застучали, мельница появилась. Рос город по сибирским меркам небывало прытко и породил несколько острогов, больших и малых. Человек-то в Сибири, оказалось, крупнее смотрится, чем на Москве. И память о нём здесь дольше хранится.

И на Кондому, и на Бию, и на Енисей, и на Лену ходили томские казаки. А с Лены и на Амур вышли, и на океан. Голодали на зимовьях, да и в остроге терпели нужду в хлебе. Пашни малы ещё, а «город от иных от всех сибирских городов удален, место украинное; а около, государь, Томского немирных орд и степных и всяких вольных людей много безчисленно и мы, государь... все живём в твоих государевых службах и в посылках, и на караулах безпрестани».

Отцом многих острогов стал городок – Кузнецкого, Енисейского, Красноярского, Ленского, Бийского... Но и головы свои буйные служивые томские люди сложили далеко на востоке, когда ставили города на Амуре, на Лене и на берегу Тихого океана.

109

ПРАВЕДНОЕ БЕЛОВОДЬЕ

«Добро здоровье, Митрий Изотыч, и тётке Аграфене самолучши пожеланья. Низкой поклон Еремею Иванычу и Овдотье Степановной, и Егору Фомичу поклон и здоровья желаю, а наипаче душе спасения. Ещё Савелью Лукичу с супругой и детками, ещё Филипу Сысоичу, ещё Игнату Сидорычу с супругой и детками, всем добраго здравия и душевна покоя. На всякий случай простите, в дальний путь собрался я, вернусь ли, кто его знает. Дед перед смертью велел мне идти в Белу землю. Скот всякой распродаю, скарб тоже, нащёт продажи дома пока не выходит.

Вы помните, дед Спиридон молодым ходил в светло царство игумена Мелентия, да увидал его токо с краюшку. Пошли они четвёро, молодые были ещё, искать земли непорочной. Нет там ни судей, ни властей, правят монахи, а над ними главный царь-игумен Мелентий. Сохранено то царство до Судного дня, оттуль пойдёт новый род людской. Но грешному человеку нет туда ходу, немало поспешников умерло на самой грани. Шли они, все свои, деревенски, и взяли их в плен киргизы и распродали по китайским городам. Дед Спиридон один из тех был. Его уж отпели тут, вдруг он живой приходит. Сказывал ему один нерусской мужик: есть де в Китайской земле в горах озеро велико, живут при нём люди древлеправославной веры.

Лет за двадцать до того один полуполковник у азиатцев чертёж земель списывал и видал то озеро и русско селенье с церковью, где не тронута вера. А как он охвицер и с казаками пришёл да с ружьями, то и не пустили его в село. Сказали токо: «Не переступи черту, коли хошь домашних своих увидеть, нету вам пути в Белу землю». Один казак своё спрашивает: где, мол, девок на невест берёте? А они: тут, мол, и к размноженью всё способно, невест у каликаров выкупаю и крестим первым чином. Ничё, верны жонки выходят.

Долго жил я в сумленьи, подумать, что пойти в эдаку даль, и то страх брал. А наемдн пришли сюда люди из нездешней земли, звали оставлять страну обреченну, где все мы живём согнивам. Уежжайте, мол, скрывайтесь, Судный день близок, ждать больше неча. Берите с собой домочадцев, а кто святой земле годен, она сама разберёт. Упросили меня наши деревенски вести артель, как один я знаю путь по дедову сказу. Караваном идти решили, коней

вот и верблюдов покупаю. Захотели христианы старой веры пожить там, и я деньги с миру собрал.

Под старость лет дед ведь снова хотел пойти в светлу землю, чтоб и помереть там, – семья удержала. Пуще всего хороший дорожник надобен, чтоб всё в нём без ошибки. От Сулойгорода на восход по Чёрному урману будет Оболонь-слободка, потом вдоль Немирной речки, тут на грани последня кержацка заимка, а как Сизый урман кончится, пойдёт Белогорье, за ним через неделю-другу и само Беловодье откроется. Токо оставя все житейски попеченья, можно выжить в Белой земле, чтоб грех мира в неё не занести. Я рассказ дедов слово в слово запомнил.

Передайте поклон Нифантию Семёнычу, ещё Устину – очество забыл. Низкой поклон также Еремею Иванычу и Овдотье Степановной. Ещё Савелью Лукичу с супругой и детками, ещё Финогену Сысоичу, ещё Игнату Сидорычу с супругой и детками, всем добраго здравия а наипаче душе спасения.

Михайла Пашутин»

Не бедна была Русь легендами, а из всех выделяется одна – о богоспасаемой земле Беловодии. До двадцатого века дожила она в среде староверов, и в ней царство Русское названо богоотступным.

Жестокие последствия имел в России церковный раскол. Больше десяти миллионов человек, истово преданных православию, власть объявила вне закона. Самое лёгкое наказание – битьё кнутом, употреблялось дознание на дыбе, смертные приговоры – сожжение заживо. В конце восемнадцатого века староверов ссылали в Сибирь семьями и целыми селеньями. Впрочем, они и сами бежали сюда и создавали не только скиты, но и целые деревни. Обжившись, они обеспечивали хлебом рудники и заводы, но была особая прослойка – бегуны-странники. Эти бежали на восток в поисках блаженного Беловодья. Что находили они? Плен, а нередко и смерть в дороге.

Не такова ли судьба молодого бегуна-странника Михаила?

– А даль-то, даль-то, царица небесна! Конца краю нет!

– Тише ты. Не вишь – Белогорье? Тут шуметь – грех.

Грядя за грядой, вблизи тёмно-зелёные от сплошной хвои, а дальше бурые и сизые, идут

увалы. И там вон, за синими гривами, лежит сама Чистая земля. В дорожнике так и сказано: перед Беловодьем будет Белогорье.

Господи, неужели когда-нибудь, под вечер, скорее всего, донесёт ветер удары колокола – беловодские звоны? Белый город над синим морем, а церквей в нём, говорят, не сорок сороков, а сто сот с семьюстами. И правит там старец-праведник Мелентий. Вторую сотню лет живёт, на то он и святой. Самая прямая вера, от Царьграда идёт, от апостолов... К стоянке подошли, уже смеркалось. Огонь под котлом приветливый, хорошо костёр занялся. А Михеич на коленках то дует в него, то машет сопрелой шапкой. Лицо распухло от комаров, багровое от натуги, а всё равно доволен, песенку помыркивает. Вздрогнул, оглянулся, шапку отложил.

– Ну и рыбы тут, ребятишки! Чёрные-чёрные карасищи. Ведра полтора мы с кумом надёргали. Счас бы сеть, тут их хоть возом вези да продавай... Ну дак чё она, речка-то, на полдень показыват или нет?

– Да вроде бы туда, на полдень. Там гора за горой, кто его разберёт. А видко далё-о-око, страшенна там даль!

Полтора Степана пришёл совсем уж впотьмах. Трещал сучьями, пыхтел – ну совсем медведь. Молча поставил у огня ведёрный туес с рыбой, молча оглядел всех. Руки у него золотые: и кузнец, и шорник, да хоть кафтан сшить – сошьёт не хуже портного. Михеич тоже и сапоги шьёт, и шапки – поискать ещё такого. Потому и решились вчетвером идти, что всё умеют.

Уха с пучкой – вот всё лакомство! Михеич сейчас издалека подъедет, а придёт всё к тому же – про последние дни, про конец света.

– Ну-ко, догадайтесь, кто может перейти море немокрыми ногами?

– А чудаки же эти казаки! – Спирька не утерпел, со своим влез. – В Кузнецком остроге один парень говорит: «Отец-де вечор морды поставил, дак сходить проверить надоть». Я ему: «Чьи таки морды, куда ставил?» – «Как чьи, свои, говорит, дед плетёт». – «Дак это, небось, мердушки, говорю, верши?» Нет, дескать, корчага – одно, а морда совсем друго дело, в неё и больша рыба захаживат. Молоды казаки все курят и выпивают в будни. А крестятся всёэжки по-нашему, сам видал – двупёрстно.

– Казаки, они тоже всяки есть. Слыхали, в Таре какой бунт содеялся? Человек, говорят, под

сто сгорело. Не стали присягать царю-антихристу, в огненну купель пошли.

– Да не сожглись они, а бочку с порохом рвануло. – Ох, дерзок стал Спирька за дорогу. – Потом, кто не помер, тех в Тобольск к воеводе погнали.

– Не знашь толком, дак и не плети лыко! Потом уж бочка-то взорвалася, от большого огня. Так я слыхал.

– Вот и в Сибири сожигаться стали. Край, видать, настал. Одно осталось: в огонь идти. Сказано же: при восьмой будет при тысяче, при последнем будет времени...

– Да нету в Писании ни самосожженцев, ни запощеванцев, которы до смерти постанутся. Всяки были праведники, а таких нету-у.

– Спать пора, вставать-то до свету. Боже, милостив буди ко мне, грешному. Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежде воскресения, отцем, братьям и сестрам нашим и сотвори им вечную память. Аминь!.. Ноги-то спасу нет, как гудят.

– Дядь Семён, а как это – по морю немокрыми ногами?

– А, не забыл? А вот как: погаснет солнце веры – пойдёт антихрист по льду сухими ногами, до любого дойдёт царства, всех под себя возьмёт. Взойдёт солнце веры – потонет он, растает лёд неверья... Рыбёшки-то хорошо бы побольше наловить до солнца... Ну, спи с Богом. Идти-то завтра с зарёй ведь.

А не спалось Мишке, вспоминалось. Лет за двадцать до того собрались девять наших староверов и туда пошли. Сколь-то раз они схвачены были и откупались чем Бог послал, а народу китайского видимо-невидимо, и все ищут семьям на прожиток. И пришли они к реке, а на ней перевоз держат русские. Спросили, как крестятся, откулешны и как шли. Поняли, что говорят правду, и провели их до селенья с монастырём, в коем довелось им молебен слушать. Сам игумен спрашивал, из каких они мест. Сказывал игумен, что ушли они, как зачалось брадобрейство.

Надо всю каторгу узнать, вот тогда душе откроется Бела земля. Сказывали, там и не пашут, рисово зерно само растёт на болотах. Вот и мечтают христиане старой веры уйти в ту землю. Везде, на всей земле будут реки огненны, одна Беловодия спасена будет, и оттуда пойдёт новый род людской.

Ну, даст Бог, и мы добредём...